

С. Н. Кабельков, Л. А. Зудилова

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ОБВИНЯЕМОГО В УСЛОВИЯХ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В статье обращается внимание на то, с какой степенью эффективности действующее уголовно-процессуальное законодательство способно обеспечить провозглашенные в Конституции Российской Федерации права участников уголовного судопроизводства, и в первую очередь обвиняемого (подсудимого).

Анализируя изменения уголовно-процессуального законодательства, авторы делают акцент на стремлении к дифференциации уголовного судопроизводства. Ряд ученых-процессуалистов и практиков небезосновательно полагают, что производство по уголовным делам необязательно проводить по единым правилам. В зависимости от состава преступления обычный порядок рассмотрения может быть упрощен либо, наоборот, усложнен. В связи с этим особого внимания требует вопрос о социальной полезности указанных институтов в отрыве от приоритетов, установленных и реализуемых государственной уголовно-правовой политикой. Проблема заключается в поиске критерия, который, с одной стороны, позволит обеспечить защиту прав и свобод участников уголовно-процессуальных отношений, а с другой, — реализовать государственные интересы «экономичного» правосудия.

Ключевые слова: дифференциация уголовного судопроизводства, реализация прав и свобод обвиняемого.

S. N. Kabelkov, L. A. Zudilova

IMPLEMENTATION OF THE ACCUSED IN THE DIFFERENTIATION MODERN CRIMINAL PROCEDURE

The article looks at the ability of the criminal procedure law in effect to ensure the rights of criminal proceeding participants proclaimed by the Constitution of the Russian Federation, especially of an accused (defendant).

In the analysis of the criminal procedure law the authors observe a tendency for differentiation of criminal proceedings. Certain criminal procedure scholars and practitioners rightfully suggest that criminal proceedings should not necessarily be conducted in a uniform manner. Depending on elements of a crime traditional order of a proceeding can be simplified or perplexed on the contrary. With this in mind the question of social usefulness of the aboved mentioned institutions in isolation from the priorities established and implimented by the state criminal law policy can not be left without attention. The issue is in the search of a criterion that will ensure the protection of rights and freedoms of the criminal proceeding participants and will to bring together the interests of the state in „economical“ justice.

Key words: implementation of rights and freedoms of the accused, criminal proceeding differentiation.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ (УПК РФ) без преувеличения можно назвать одним из самых обсуждаемых действующих нормативных актов. Теоретики и практики постоянно находят в нем многочисленные изъяны. Причем иногда критики высказываются довольно эмоционально, например, полагая, что УПК РФ представляет собой «ущербный плод торопливости и непрофессиональности его создателей» [1, с. 5]; написан он был преступниками и их адвокатами, поэтому эффективно защищать права законопослушных граждан с его помощью невозможно [2]. Не столь эмоционально, но все же критично высказывались и другие исследователи, обращая внимание на «несоответствие многих положений УПК РФ [Концепции](#) судебной реформы в Российской Федерации» [3, с. 32], задавались вопросом о возможности уголовно-процессуального закона «обеспечить качественное нормативное

регулирование общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства» [4], а также отмечали, что законодатель периодически пересматривает свою позицию на регулирование правоотношений в стадии возбуждения уголовного дела [5].

Примечательно, что законодатель, несмотря на многочисленные пророчества о превращении УПК РФ в «подобие лоскутного одеяла» с завидным упорством пытается «экспериментальным путем нащупать оптимальный способ нормативного регулирования» [4].

Резюмируя вышеизложенное, следует констатировать, что УПК РФ действует с 1 июля 2002 г. по настоящее время и с определенной степенью успеха справляется со своей задачей регулирования общественных отношений. В соответствии с его нормами осуществляется уголовное преследование, защищаются права

потерпевших и других участников процесса, выносятся приговоры, законность, обоснованность и справедливость которых проверяется судами вышестоящих инстанций.

Представляется, что причины живучести действующего УПК РФ кроются в том, что образующие его уголовно-процессуальные институты упорядочены, взаимосвязаны и образуют целостную систему. Сложившийся иерархический порядок и позволяет оставаться ему жизнеспособным.

Отрадным в сложившейся ситуации является то, что многочисленные поправки не позволили «перейти Рубикон», преодоление которого может разрушить концептуальные основы уголовно-процессуального закона.

Возникают вопросы: что же является фундаментом УПК РФ, служит опорой и какие компоненты защищают его от разрушения?

В первую очередь, это конституционные принципы защиты личности в уголовном судопроизводстве. Тем не менее обращает на себя внимание надвигающаяся опасность. По многочисленным изменениям, которыми изобилует УПК РФ, можно проследить тенденцию «отдаления» норм Общей части (закрепляющих права участников) от норм Особенной части (устанавливающих механизм привлечения к уголовной ответственности обвиняемого). В дальнейшем совокупность созданных противоречий может привести к разрушению модели правозащитного УПК РФ.

Обозначенная проблема заключается в том, что законодатель делает попытку реализовать понравившуюся ему идею, заключающуюся в оптимизации уголовного судопроизводства путем его дифференциации, но в то же время не может отказаться от провозглашенных демократических принципов, заявить о поправке гуманистических идеалов, лишении возможности реализации закрепленных в законе прав участников уголовно-процессуальных правоотношений.

В новом свете видится проблема реализации своих прав и законных интересов обвиняемым. Следует вспомнить, что с вступлением в законную силу УПК РФ к нему был проявлен повышенный интерес. Юридическая общественность, воспитанная нормами идеологизированного в духе «коммунистической морали» УПК РСФСР, с недоумением обратила внимание на недопустимо защищаемую нормами УПК РФ фигуру обвиняемого и всерьез заговорила о дисбалансе между интересами потерпевшего и обвиняемого в пользу последнего.

Со временем обвиняемый со своими правами и интересами в уголовном деле отошел на второй план при обсуждении других актуальных проблем

правоприменительной практики. Однако сегодня вновь появляется интерес к этому участнику уголовного судопроизводства, что обусловлено трудностями в применении действующего УПК РФ.

Не следует забывать и о том, что лицо, привлеченное в качестве обвиняемого, прекрасно осознает, что статус этот для него является временным и от возможности реализовать свои права именно в этом статусе зависит его судьба в дальнейшем в качестве подсудимого. С этой позиции и можно проследить возникновение препятствий, обусловленных дифференциацией уголовного судопроизводства.

Для наглядности обратимся к недалекому прошлому. Например, образование в некоторых регионах Российской Федерации 1 ноября 1993 г. суда присяжных большей частью юридической общественности было признано прорывом в области уголовного судопроизводства. И сегодня рассмотрение дела судом присяжных считается предоставлением дополнительных гарантий для вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора.

Однако некоторая несогласованность в нормах действующего законодательства, регламентирующих отправление правосудия судом присяжных, стала предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ в связи с тем, что лица женского пола лишены права ходатайствовать о рассмотрении своего уголовного дела судом с участием присяжных заседателей. Так, постановлением судьи Брединского районного суда Челябинской области от 7 августа 2015 г. А. С. Лымарь было отказано в удовлетворении ходатайства о рассмотрении ее уголовного дела судом с участием присяжных [6]. Рассмотрев жалобу, Конституционный Суд РФ обоснованно признал положения УПК РФ, лишавшие женщин права на рассмотрение определенных категорий уголовных дел судом присяжных, не соответствующими Конституции Российской Федерации. При этом уголовные дела по обвинению мужчин в совершении преступлений такого же рода в той же ситуации могут быть рассмотрены судом присяжных.

На неэффективность суда присяжных в условиях действия современного отечественного законодательства обратил внимание Президент Российской Федерации В. В. Путин. Он отметил, что количество дел, рассмотренных судами с участием присяжных, с каждым годом сокращается и тем самым остается нереализованным право обвиняемых (подсудимых) на рассмотрение уголовных дел судом присяжных.

На наш взгляд, ситуация изменится в положительную сторону, если будут учтены пожелания Президента России В. В. Путина о том,

чтобы «распространить суд присяжных до уровня районных судов» [7]. Это будет способствовать повышению эффективности деятельности суда присяжных, избранию именно этой формы правосудия большим числом граждан и реализации гуманистического потенциала конституционных принципов правосудия.

В связи с этим небезынтересна позиция практических работников — следователей органов внутренних дел. Соглашаясь с необходимостью реализации прав обвиняемого и допуская возможность рассмотрения дел в районных судах судом присяжных, большинство опрошенных не считают, что подобное рассмотрение как-то отразится на качестве работы судов присяжных и обеспечении прав обвиняемого.

Еще одной проблемой, возникающей в связи с дифференциацией уголовного судопроизводства, является введение сокращенного производства, которое позволит ускорить сроки расследования уголовных дел и минимизировать следственные затраты.

Оценивая современное состояние уголовно-процессуального законодательства с точки зрения возможности реализации обвиняемым своих прав и свобод, следует констатировать, что они обеспечиваются при производстве предварительного следствия в обычном порядке, судебного разбирательства не только в обычном, но и в усложненном порядке.

К сожалению, при проведении предварительного расследования в ускоренном порядке обвиняемый, появляющийся по окончании дознания, обладает правовым статусом, который можно назвать «усеченным» вариантом правового статуса обвиняемого на стадии предварительного следствия, что, соответственно, характеризуется разным объемом прав.

Полагаем, что в целях единообразного применения норм уголовно-процессуального законодательства необходимо предусмотреть обязательное привлечение в качестве обвиняемого, независимо от производства предварительного расследования в форме предварительного следствия, дознания или дознания в сокращенной форме. В этом случае и в «усеченном производстве» появится полноправный участник.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что обеспечение защиты прав и свобод обвиняемого подразумевает закрепление в действующем законодательстве, во-первых, перечня его определенных прав, во-вторых, механизма их практической реализации. К сожалению, появившиеся в ходе дифференциации российского уголовного судопроизводства институты не позволяют в полной мере реализовать конституционные принципы защиты прав и свобод обвиняемого.

Решение проблемы видится в создании условий, при которых обвиняемому предоставляются равные возможности полноценно реализовать весь спектр конституционных прав в рамках уголовного судопроизводства.

Список библиографических ссылок

1. Березина Л. В., Быков В. М. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК РФ. Казань: Таглитмат, 2006.
2. Цит. по: Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005; URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie54885.html> (дата обращения: 15.02.2016).
3. Кругликов А. П. О некоторых тенденциях в современном уголовно-процессуальном законодательстве // Мировой судья. 2012. № 3. С. 8—12.
4. Зайцева Е. А. Новый закон о сокращенном дознании и регламентация использования специальных познаний в досудебном производстве по уголовным делам, или Хотели как лучше, а получилось как всегда... // Рос. судья. 2013. № 4; URL: <http://lawlibrary.ru/article2261386.html> (дата обращения: 15.02.2016).
5. Зайцева Е. А. Непроцессуальная форма экспертных исследований // Судебная экспертиза. 2011. № 4. С. 5—24.
6. По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. С. Лымарь: постановление Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2016 г. № 6-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Путин: Суд присяжных можно распространить до уровня районных судов. URL: <http://www.vedomosti.ru> (дата обращения: 16.02.2016).

© Кабельков С. Н., Зудилова Л. А., 2016